

Научная статья
УДК 94(574+470.47)''17''
ББК 63.3(5Каз)5
Г 46
DOI: 10.53598 / 2410-3691-2022-2-299-62-71

СТЕПНАЯ ДИПЛОМАТИЯ ХАНА АБЫЛАЯ: К ИСТОРИИ КАЗАХСКО-ОЙРАТСКИХ ОТНОШЕНИЙ (ВОЛЖСКИЕ КАЛМЫКИ, ДЖУНГАРЫ) XVIII ВЕКА

(Рецензирована)

Саялбек Махамбетович Гизатов¹
Шымырбай Жаксыбаевич Нартбаев²
Нурсултан Наурызгалиевич Отеуов³
¹Национальный музей Республики Казахстан, г. Нур-Султан,
Казахстан
^{2,3}Центрально-Азиатский инновационный университет, г. Шымкент,
Казахстан
¹ sayalbek@mail.ru
² nursultan.nurik.2014@inbox.ru
³ nursultan.nurik.2014@inbox.ru

Аннотация. В статье анализируются содержание и характер дипломатических отношений между Абылаем, ставшим впоследствии всеказахским ханом (1771-1781), и ойратами-калмыками, их политическими группировками в пятидесятые годы XVIII в. Выбранный временной отрезок весьма показателен с точки зрения характеристики личности тогда ещё султана Среднего жуза Абылай как осторожного и дальновидного политика в отношениях со своими союзниками и противниками и значим для целостного понимания содержания казахско-ойратских контактов не только рассматриваемого периода, но и их последствий в будущем. Отдельное внимание уделяется описанию дипломатических усилий хана в обеспечении безопасности своего жуза, искусству ведения переговоров с представителями Цинской империи и России. Отмечается, что хан Абылай оказывал влияние на внешнеполитическую стратегию последнего джунгарского правителя Амурсаны, которому в тандеме с китайским императором казахский хан помог овладеть всем Калмыцким государством. Делается вывод о том, что политические усилия Абылая позволили добиться усиления централизованной ханской власти, а это в свою очередь привело к существенному укреплению военно-политического статуса Казахского ханства.

Ключевые слова: степная дипломатия, политические отношения, казахи, ойраты, джунгары, калмыки, хан Абылай (Аблай).

Для цитирования: Гизатов С.М., Нартбаев Ш.М., Отеуов Н.Н. Степная дипломатия Хана Абылая: к истории казахско-ойратских (волжские калмыки, джунгары) отношений XVIII века //Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Регионоведение: философия, история, социология,

Original Research Paper

STEPPE DIPLOMACY OF KHAN ABYLAI: ON THE HISTORY OF KAZAKH-OIRAT (VOLGA KALMYKS, DZHUNGARS) RELATIONS OF THE 18TH CENTURY

Sayalbek M. Gizatov¹
Shymyrbai Zh. Nartbaev²
Nursultan N. Oteuov³

¹ National Museum of the Republic of Kazakhstan, Nursultan, Kazakhstan

^{2,3} Central Asian Innovation University, Shymkent, Kazakhstan.

¹ sayalbek@mail.ru

² nursultan.nurik.2014@inbox.ru

³ nursultan.nurik.2014@inbox.ru

Abstract. The paper analyzes the content and nature of diplomatic relations between Abylai, who later became the all-Kazakh Khan (1771-1781), and the Kalmyks-Oirats, and their political groups in the fifties of the 18th century. The chosen time period is very indicative from the point of view of the personality characteristics of the then Sultan of the Middle Zhuz Abylai as a cautious and far-sighted politician in relations with his allies and opponents and is significant for a holistic understanding of the content of Kazakh-Oirat contacts not only of the period under consideration, but also their consequences in the future. Special attention is paid to the description of the Khan's diplomatic efforts in ensuring the security of his zhuz, the art of negotiating with representatives of the Qing Empire and Russia. It is noted that Khan Abylai influenced the foreign policy strategy of the last Dzhungarian ruler of Amursan, whom, in tandem with the Chinese emperor, the Kazakh Khan helped to seize the entire Kalmyk state. It is concluded that Abylai's political efforts made it possible to strengthen the centralized khan's power, and this, in turn, led to a significant strengthening of the military-political status of the Kazakh Khanate.

Keywords: steppe diplomacy, political relations, Kazakhs, Oirats, Dzhungars, Kalmyks, Khan Abylai (Ablai).

For citation: Gizatov S.M., Nartbaev Sh.M., Oteuov N.N. Steppe diplomacy of Khan Abylai: on the history of Kazakh-Oirat (Volga Kalmyks, Dzhungars) relations of the 18th century // Bulletin of Adyghe State University. Series «Regional Studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Science, Cultural Studies». 2022. No.2 (299). P. 62-71 (in Russian). DOI: 10.53598 / 2410-3691-2022-2-299-62-71.

Введение. Взаимоотношения двух соседствующих кочевых народов – казахов и ойратов – на протяжении столетий оставались весьма сложными и противоречивыми. К ним неверно было бы применить современный термин «одновекторность». Они не были и постоянно конфликтными. Между Казахским ханством, его жузами и ойратами, в т.ч. волжскими калмыками, были и времена мирных, паритетных

отношений и периоды, как правило, локальных военных стычек, набегов, заканчивающихся победой то одной, то другой стороны, но без каких-либо серьёзных политических, экономических и человеческих потерь. Почвой для возникновения разногласий становился в первую очередь территориальный вопрос и связанные с ним проблемы доступа к лучшим кочевьям, торговым центрам, торговым путям.

Интонация политических отношений начинает изменяться в сторону усиления конфронтации в первом десятилетии XVIII в. Основы государственности, заложенные казахскими ханами Касымом, Хакназаром, Есимом и Тауке, расшатываются постоянными внутриказахскими, в т.ч. межжузовыми, спорами их властителей – ханов и султанов, что привело к глубокому кризису политических, административных, экономических связей между жузами и, в конечном итоге, ослабило Казахское ханство перед джунгарами, дав повод ойратским правителям сформировать политическую стратегию, направленную на захват казахских территорий, особенно привлекательных в геополитическом и экономическом аспектах. Так, к 30-40-м годам XVIII в. территория между Иртышом и озером Балхаш фактически контролировалась джунгарами, которые уже позже (в 80-е годы) полностью захватили Семиречье, лишив казахов доступа к центрам торговли и плодородным пастбищам.

Материалы исследования. Проблема казахско-ойратских отношений (и дипломатия этих народов не является исключением), неоднозначность их содержания, выражавшаяся, с одной стороны, противостоянием, а с другой, - стремлением к сближению (династическому, хозяйственному, политическому), вся диалектика этих связей стала предметом внимания исследователей с 80-х годов прошлого века (Б.П. Гуревич, В.А. Моисеев, Д. Дулатова,

Ж. Касымбаев, И. Козыбаев и др.). Тогда же более подробно начинают изучаться различные, хотя и не многочисленные, собственно исторические (а не художественные) источники, отражающие многостороннюю политическую, дипломатическую, в том числе и административную, деятельность казахского хана Абылая (Аблая) (1711/13-1781), вошедшего в историю казахского народа как один из выдающихся его правителей, вновь объединивший все три казахских жуза – Старший, Средний и Младший – в единое ханство под сильной централизованной властью.

Ч. Валиханов пишет о нём: «В преданиях казахов Абылай носит какой-то поэтический ореол; век Абылая у них является веком казахского рыцарства» [1]. По сути этот же смысл содержится в характеристике Абылая М. Копеевым: «Многие знали и видели сыновья Казакбая (т.е. дети казахов), и задолго до Абылая со времён Адама, и после Абылая, но такого приволья не было, как во времена правления Абылая» [2]. Его современник, казахский народный поэт и сказитель Бухар жырау так поэтически охарактеризовал время правления Абылая: «В пятьдесят твоих лет сделал привязь громадную ты, привязав к ней всех трёх наших жузов коней» [3].

Значительный интерес в плане настоящего исследования представляют документы архива внешней политики России за рассматриваемый период, свидетельства историков того времени, в частности К. Халиди, труд русского историка XIX в. А.И. Левшина «Описание киргиз-казацких, или киргиз-кайсацких, орд и степей», монография И.Я. Златкина «История Джунгарского ханства», ставшая классическим трудом современной исторической науки, работы казахстанских историков М. Танышпаева и Ж. Артыкбаева.

Исследование осуществлено с использованием общенаучных методов (системный, диахронический) и

собственно исторических (нарративный, хронологический).

Обсуждение и результаты исследования. Современная политическая обстановка, характер взаимоотношений казахов с соседствующими народами и государствами были для Абылая (сначала - султана, а затем - хана) весьма противоречивыми и сложными. В этот период сплелись интересы, с одной стороны, Цинской династии, с другой, - Джунгарского ханства, с третьей, - России.

Абылай, став с 30-х годов XVIII в. ключевой фигурой в вопросах войны и мира, видит своей главной целью противодействие Джунгарскому ханству, внутривосточное положение которого всё более осложнялось. Вот как об этой ситуации пишет А.И. Левшин: «Страх и притворная покорность киргиз-казаков Большой орды зюнгарам продолжалась до того времени, пока сей последний народ сам не начал слабеть от возгоревшихся в нём междоусобий, кои... кончились совершенным его рассеянием. Лишь только открылись между зюнгарами распри, казаки тотчас приняли в оных самое деятельное участие. Предложив всем изгнанным князьям, зюнгарским и зайсангам (наследственные представители у ойратов и калмыков – прим. авт.), убежище у себя, они соединились с ними для отмщения их обид, нападали на их неприятелей и не упускали ни одного случая, под видом пособия несчастным, обессиливать набегами древних врагов своих» [4].

О каких событиях, повлекших факт принятия под свою защиту осенью 1751 г. ханом Среднего жуза Абылаем джунгарских князей, говорит автор? Этому событию предшествовал ряд других, связанных с борьбой за власть в Джунгарском ханстве и противодействием последнего Цинской династии. В 1749 г. ханом Джунгарии становится старший сын Галдан Цэрена Лама-Доржи (1726-1752). В 1750 г. он был официально утверждён ойратским ханом.

С этого времени начинается его борьба с чоросским князем Даваца (ум. 1756), потомком известнейшего Эрдени Батура-хунтаджи – своим главным соперником и претендентом на джунгарский престол. Правление Даваца как хана Джунгарии было недолгим (1753-1755).

Ещё одним действующим лицом этого события стал Амурсана (1722-1757), джунгарский владетельный князь из рода хойт. В тот период он был активным сторонником Даваца в борьбе за ханский престол и, как показала дальнейшая история его взаимоотношений с Даваца, лелеял надежду, что придя к власти, тот поделится с ним половиной ханства. Но Амурсана ошибся в своих расчётах: его амбициозные политические проекты потерпели полное фиаско, как, впрочем, и самого Даваца.

Однако в 1751 г. они были союзниками, которым дал свою защиту Абылай. Он и казахи Старшего жуза оказали Даваца и Амурсане активную помощь в борьбе против Лама-Доржи. Так, на факт этой поддержки указывает русский исторический источник - доклад прапорщика Верёвкина от 26 декабря 1753 г., где тот пишет: «И оные киргизцы споможение чинят вышенареченному Дебаче, и ходило их, киргизцев, на ту помощь, и многие калмыцкие улусы разбили и привезли плену... Аблай-султан со своими улусами на ту помощь пошёл» [5]. 4 января 1754 г. тот же официальный представитель России в своём докладе указывает дату – декабрь 1753 г. – и пишет: «...со всех киргизских улусов военных людей 5000 человек пошло на помощь к Дебаче, чтобы разорить дербетов (один из калмыцко-ойратских племён – прим. авт.), ибо дербеты не хотят быть подвластными ему, Дебаче..., и прежде сего ходившим киргиз-кайсацким войском разорено калмыцких две волости» [6].

Если вернуться к истории предоставления Абылаем защиты в своей ставке бежавшим Даваца и Амурсане, то ряд документов (в первую

очередь российских источников) свидетельствуют о том, что он не был обделён не только административными и военными талантами, но и дипломатическими: умением манипулировать, сглаживать углы, при этом преследуя свои цели, заботясь о благополучии своего народа и своих военно-политических интересах в отношении Джунгарии. Так, Абылай стремился не допустить общения российского посланника А. Яковлева с Даваца и Амурсаной, которые были претендентами на престол в Джунгарском ханстве и которых российское правительство желало бы видеть у себя, а не у казахов, что обеспечивало бы определённые перспективы для устрашения Лама-Доржи и разжигания конфликта между ним и бежавшими нойонами. Это в свою очередь работало бы на подрыв единовластия в Джунгарии, само существование которой на своих восточных границах и вообще на политической карте было для России неприемлемым.

Абылай всячески растягивал переговорный процесс с А. Яковлевым, намеренно отправив своих подопечных из ставки против войска Лама-Доржи, который в донесении писал: «Придав им от себя войска казахского, послал (Абылай – прим. авт.) навстречу джунгарской армии, и ныне де они стоят против тех калмык и воюютца и слышно де мне, что уже взятых казаков многих, также и их скота, отбили, и калмык из войска зенгорского побили немало» [7].

Абылай всячески препятствовал встрече А. Яковлева с калмыками: «Оное представление (т.е. просьбу о свидании - прим. авт.) салтан все одобрял, а затем сказал, что де их теперь сыскать, где оне, никак невозможно, и никто де их кроме меня не сыщет, мне ж де самому тамо быть и народ свой без защищения оставить никак не можно... Меня же желал возвратити обратно, обещая мне дать добрых провожатых и писать от себя обещаясь» [7].

Таким образом, миссия А. Яковлева результатов не принесла. Но Абылай, не желая осложнять отношения с Россией, подданство которой он принял в 1740 г., с одной стороны, и не отступая от собственной линии в отношениях с калмыками и джунгарами, с другой, передаёт с послом письмо, обращённое к бригадиру А.И. Тевкелёву, от которого и был послан А. Яковлев.

В этом письме султан заверяет его, а в его лице императрицу Елизавету Петровну, в своей верности, но не говорит ничего нового и ничего не обещает, ссылаясь на необходимость сначала самому разобраться в причинах, повлекших за собой бегство Даваца и Амурсаны и его последствиях. Тем более что это событие создало сложности именно для России, в частности сделало опасным передвижение купцов из Ташкента и Кашгара в Россию, чем Абылай, как её верноподданный, весьма озабочен и стремится разрешить проблему ко всеобщему благополучию. Султан пишет, что «хотя за ними, владельцами (Даваца и Амурсаной – прим. авт.), от зенгорцев с требованием об отдаче их обратно и посланцы к нам присланы были, но нами не отданы, затем, что как их в нашу орду побег, конечно, не бес причины, то тем хотели узнать: вольно ли оной последовал или по происшедшей причине. И тако я, объявляя вышеписанное приезжавшим от них посланцам и придав ещё от себя для посольства же киргисцов, их отпустил; токмо оныя калмыки, не склоняясь на то нимало, собравшись своею силою, приехали к нам в орду и крайния киргис-кайсацкия улусы разорили, и киргис-кайсак несколько в полон взяли, и, отогнавши скот, отъехали прочь. Того ради вашего превосходительства в сей случившейся между нами ссоре благоразумным вашим наставлениям не оставить прошу» [8].

Заметим, что набег калмыков на казахские улусы в письме представлен Абылаем с документальной

точностью, правда, он и словом не обмолвился о собственных набегах на калмыцкие кочевья, что было широко распространённой практикой в отношениях кочевников того времени.

Как представляется, текст этого письма можно с полным основанием назвать образчиком изворотливо-дипломатического ума Абылая, его дальновидности и осмотрительности как политика. По этому поводу приведём комментарий именно этого дипломатического сценария, данный автором монографии «Абылай хан» Ж. Артыкбаевым: «Все хотели бы получить в свои руки опальных

нойонов, в их лице претендентов на высшую власть в Джунгарии. Только если для казахов они нужны для того, чтобы продолжать свою мирную жизнь на просторах Великой степи, то для русских и китайцев полезно само исчезновение Джунгарии» [9]. Нежелание Абылая отдавать беглецов России диктовалось не только несколькими размытыми мирными мотивами, но, как думается, и стремлением сделать их (Даваца и Амурсану), в случае обострения отношений с джунгарами или китайским императором, разменной монетой в обеспечении безопасности собственного народа.

*Рисунок 1. Портрет Абылай-хана в XVIII веке.
Figure 1. Portrait of Khan Abylai in the 18th century.*

Отношения Абылая с новыми калмыцкими союзниками не ограничивались только переговорами. Отряды Абылая, реализуя соглашения о военной поддержке тогда ещё существовавшего тандема Даваца и Амурсаны, осенью 1753 г. напали на аулы дербетов и хойтов. Историк К. Халиди в своём труде «Таварих-и Хамса», рассказывая о решающем

для казахов военном походе, приводит подробности, любопытные с точки зрения того, как вообще проходили военные советы в среде казахов-кочевников и каким образом могли приниматься решения: «В последнем сражении с калмыками Абылай-хан с большим войском подошёл к горе Калба, торгоуты находились на севере от Ласты по Шорга,

а калмыки оказались к югу от реки Уржар и по реке Емель» [10].

На совете старейшин между двумя предводителями – Богенбаем и Кабанбаем, произошли разногласия по поводу того, на каком из этих двух направлений сосредоточить основные силы и с какой стороны нападать: «Богенбай предлагал наступать на калмыков с Уржара до Емеля, перевалив через Тарбагатай, тогда как торгоуты, которые жили ближе и уже спустились раньше с гор, узнали о нас. Если напасть на них, тогда мы потеряем много войск. А калмыки вдалеке, соответственно, они в неведении, и мы на них наступим внезапно. По-другому высказал свою мысль Кабанбай. Он полагал, что нельзя оставлять в тылу торгоутов. Возможно, они узнают о нашем уходе по следам лошадей и дадут знать калмыкам, а сами придут сзади на помощь. Таким образом, казахское войско окажется в окружении...».

Абылай был в сомнении и прибег к совету Бухар жырау, находившегося там же. Мудрый советчик султана высказался за более осторожный и учитывающий все возможные опасности план Кабанбая, осудив авантюризм Богенбая, назвав его одним из ночных барымтачей (воры, угонщики скота – прим. авт.) и, соответственно, действующим так же – наскоком, надеясь на удачу. Абылаем было решено следовать плану Кабанбая: «Они наступили на торгоутов в местности Ласты-Шорга и потеряли малое количество воинов, и вернулись с победой». Но при этом, как можно судить из донесения одного из казахских старшин, бывшего в отряде, помогавшем Даваца, военная добыча делилась между союзниками далеко не поровну: «... две волости калмыцкие повелением Дебача разорили, и показанной де Дебача жён и детей мужеск малых и женск пол отдал киргизцам... и от разорённых волостей скота киргизцам дана самая малая часть только для пропитания, а протчий скот

весь взял Дебача к себе» (30 декабря 1753 г.) [6]. Архивные свидетельства содержат информацию и о других отрядах казахов, направленных, в том числе, и Абылаем, в Джунгарию для поддержки Даваца и Амурсаны [11].

И позднее, когда между Даваца и Амурсаной начались разногласия, Абылай, в частности, активно участвовал в них по преимуществу на стороне последнего. Существует, например, свидетельство его помощи Амурсане, не оставлявшему попыток захвата власти. Но самое первое совместное выступление против Даваца в апреле 1754 г. в районе р. Каратал закончилось для Абылая поражением, причём Амурсана так и не подошёл на помощь. Однако набег на улусы Даваца продолжались, как и не был разорван союз с Амурсаной, невзирая на его, по сути дела, предательство, что побудило Даваца отправить к Абылаю посольство. Посол потребовал возратить всё захваченное у джунгар, прекратить военные действия, укоряя Абылая в нарушении союзнической клятвы: «...понеже я с тобою наперёд сего всегда жил в братцкой дружбе и не надеялся я таких от тебя наглых обит и разбоев... прошу без всяких ссор паки мне возратить», - а также и угрожая, если это не будет сделано: «...а ежели да не отдашь, то я имею несколько своего войска к вам послать войною» [8]. Однако Абылай проигнорировал просьбы и угрозы Даваца, и посол уехал из его ставки без всякого ответа.

Следует подчеркнуть, что переговоры между Абылаем и Амурсаной касались не только военной помощи, но и экономической. Результатом одной из таких дипломатических миссий, в которой от Амурсаны участвовал его брат Бальжир, стало предоставление правителем Среднего жуза 4 тыс. лошадей и верблюдов и 10 тыс. овец и баранов, за что Амурсана впоследствии уплатил бухарскими коврами, оружием и пленниками из улусов Даваца.

Этой помощью переговоры между Абылаем и Амурсаной не закончились. Чуть позднее Амурсана вышел с предложением нападения на ставку Даваца прежде, чем тот выступит против него. Сражение должно было состояться на р. Боротала [12]. Этот план был поддержан Абылаем и выполнен.

В 1755 г. Абылай в союзе с воинами китайского императора помогают Амурсане овладеть всем Калмыцким государством. Позднее, уже когда Амурсана потерпел поражение, он вновь приходит из Джунгарии к Абылаю. Все эти перемещения и метания неудачливого претендента на джунгарский престол были совершенно не выгодны России, и башкирскому старшине Абдулле Каскинову от имени русского правительства было поручено отправиться к Абылаю, где уже находился Амурсана, и тайно вручить тому письмо с приглашением уйти от Абылая в Оренбург. Но последующие события свидетельствуют, что и в этот раз Абылай был весьма дальновиден и не доверял Амурсане, стараясь оградить его от встреч с кем бы то ни было, особенно тогда, когда он сам отсутствовал в ставке, «дабы он от них скрыться и убежать не мог» [13].

А. Каскинову всё же удалось переговорить с Амурсаной в отсутствие Абылая, и тот жаловался на своё тяжёлое положение в ставке Абылая: его и 300 воинов-ойратов держали под постоянной охраной, обращались как с пленниками и принуждали к участию в экспедициях против маньчжуров. По-видимому, Абылай в определённом смысле потерял интерес к Амурсане, однако не желал, чтобы тот был ограждён от влияния как русских, так и джунгар и цинских властей. Возможно также, что отличавшийся умением видеть далеко вперёд, Абылай держал Амурсану не только как пленника, но и как заложника, намереваясь при определённых обстоятельствах обменять его у любого из своих соседей (кроме

России, разумеется), заинтересованных в нём, на какие-либо экономические либо политические (например, обеспечение безопасности своих границ) блага.

Однако быстро меняющаяся политическая обстановка, угроза обострения возможного конфликта с ойратами, как, собственно, и с маньчжурами, и с китайцами, эти планы Абылая скорректировали, и уже в конце 1756 г. Амурсана, по-видимому, добровольно отпущенный Абылаем после пятимесячного пребывания, вновь появляется в Джунгарии.

Отношение Абылая к «ойратскому вопросу» резко изменяется, когда Лама-Доржи становится единовластным правителем Джунгарского ханства. Уже после поражения Амурсаны в 1754 г. Абылай и правители Старшего жуза начинают вторгаться в пределы Джунгарского ханства. Из архивных источников явствует, что такие набеги начали приобретать системный характер. Воины Абылая не раз переходили границы Джунгарии, при этом военное счастье им явно сопутствовало: они возвращались с богатой добычей в виде скота, пленных и ценностей [14; 15]. Более того, Амурсана, бежавший в 1757 г. в Россию, подвергся нападению отряда казахов, посланных Абылай-султаном, который в тот период действовал в контакте с цинской армией. Скот и имущество было отобрано, воины из отряда сопровождения частью перебиты либо взяты казахами в плен. Так заканчивается история отношений между Абылаем и Амурсаной.

Но направление дипломатии Абылая по отношению к Давацу и Амурсане, сначала действующих в союзе, а позднее — непримиримых противников, было далеко не единственным. Ещё один вектор его политических интересов связан с линией джунгарских правителей: Лама-Доржи и Даваца, в конфликте которых Абылай принимал деятельное

участие и, по определению известного казахстанского историка М. Тынышпаева, «далее стал искусственно раздувать их вражду» [16], как, впрочем, и вражду между бывшими союзниками - Даваци и Амурсаной.

Заключение. Итак, Абылай с конца 30-х годов XVIII в. становится ключевой фигурой в политической жизни Казахского ханства и его отношениях с ойратами.

Особую опасность для Абылая и его улусов представляли правители Джунгарского ханства, стремящиеся распространить своё влияние на территории казахских кочевий. Рассмотренный в статье ряд примеров

дипломатического взаимодействия Абылая со своими союзниками и противниками позволяет говорить, что он, обладая недюжинными способностями, вел переговорный процесс, всегда придерживаясь той линии поведения, которая наиболее последовательно отвечала его целям. Все его политические усилия, в том числе и в сфере дипломатии, были направлены на усиление централизованной ханской власти, укрепление политического положения Казахского ханства, что способствовало выводу его из затянувшегося кризиса и организации последовательной стратегии противостояния Джунгарии.

Примечания:

1. Валиханов Ч.Ч. Собр. соч. В 5 т. Т. 2. Алма-Ата: Наука, 1985. С. 116.
2. Копеев М. Тандамалы. Алма-Ата: Наука, 1992. С. 67.
3. Казахский фольклор в собрании Г.Н. Потанина. Алма-Ата: Наука, 1972. С. 290.
4. Левшин А.И. Описание киргиз-казацких, или киргиз-кайсацких, орд и степей. – Алматы: Санат, 2009. С. 173.
5. Архив внешней политики России (АВПР), ф. Зюнгарские дела, 1754, д. 2, л. 1.
6. АВПР, ф. Зюнгарские дела, 1754, д. 2, л. 4.
7. АВПР, ф. Зюнгарские дела, 1752, д. 2, л. 1.
8. АВПР, ф. 122. Киргиз-кайсацкие дела.
9. Артыкбаев Ж. Абылай хан. Нур-Султан: Фолиант, 2019. С. 196.
10. Халиди К. Таварих-и Хамса. Казань, 1910. С. 34.
11. Златкин И.Я. История Джунгарского ханства 1635–1758. М.: Наука. 1983. С. 287.
12. АВПР, ф. Зюнгарские дела, 1757, д. 2, л. 10.
13. АВПР, ф. Зюнгарские дела, 1755 - 1757, д. 4, л. 557.
14. АВПР, ф. Зюнгарские дела, 1754, д. 1, л. 46, 57, 61.
15. АВПР, ф. Зюнгарские дела, 1754, д. 2, л. 1, 4.
16. Тынышпаев М. История казахского народа. Алматы: Санат. 2009. С. 205.

References:

1. Valikhanov Ch.Ch. Collection of works. In 5 vol. Vol. 2. Alma-Ata: Nauka, 1985. P. 116.
2. Kopeev M. Tandamaly. Alma-Ata: Nauka, 1992. P. 67.
3. Kazakh folklore in the collection of G.N. Potanin. Alma-Ata: Nauka, 1972, p. 290.
4. Levshin A.I. Description of Kirghiz-Cossack, or Kirghiz-Kaisak hordes and steppes. Almaty: Sanat, 2009. P. 173.
5. Archives of the Russian Foreign Policy (AVPR), f. Zyungar affairs, 1754, d. 2, l. 1.
6. AVPR, f. Zyungar affairs, 1754, d. 2, l. 4.
7. AVPR, f. Zyungar cases, 1752, d. 2, l. 1.
8. AVPR, f. 122. Kirghiz-Kaisak affairs.
9. Artykbaev Zh. Abylay Khan. Nur-Sultan: Foliant, 2019. P. 196.
10. Khalidi K. Tawarikh-i Hamsa. Kazan, 1910. P. 34.

11. Zlatkin I.Ya. History of Dzungar Khanate 1635–1758. М.: Nauka. 1983. P. 287.
12. AVPR, f. Zyungar affairs, 1757, d. 2, l. 10.
13. AVPR, f. Zyungar affairs, 1755 - 1757, d. 4, l. 557.
14. AVPR, f. Zyungar affairs, 1754, d. 1, l. 46, 57, 61.
15. AVPR, f. Zyungar affairs, 1754, d. 2, l. 14.
16. Туньшпаев М. History of the Kazakh people. Almaty: Sanat. 2009. P. 205.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 28.03.2022; одобрена после рецензирования 19.04.2022; принята к публикации 25.04.2022.

The authors declare no conflicts of interests.

The paper was submitted 28.03.2022; approved after reviewing 19.04.2022; accepted for publication 25.04.2022.

© С.М. Гизатов, Ш.Ж. Нартбаев, Н.Н. Отеуов, 2022